

Н АЧНУ со спектакля, который зрители не увидят. Это волевым Вальсина Катаева «Квадратура круга». Не увидят, хотя пьеса была включена в репертуар областного театра, шли репетиции, готовили оформление, наконец, спектакль был представлен к сдаче комиссии областного управления культуры. И тут-то произошла осяска. Его не приняли. Последняя премьера нынешнего сезона не состоялась. Что же случилось?

Разумеется, для того, чтобы готовый спектакль, на который потрачены силы, средства и вдохновение, не был принят, нужны веские основания. Но все они — и неизбежность режиссерского решения, и слабые актерские работы, и убогость оформления в конце концов — могли бы быть как-то исправлены, дотанчаны, как говорится, до определенного художественного уровня, оканчиваясь необходимой сама тема разговора театра со зрителем.

Но в том-то и дело, что этот всеведный волевище при всех своих достоинствах новую тему не открывал. Больше того, и в контексте предыдущих спектаклей он воспринимался как повторение уже многократно сказанного. История любви четырех молодых людей, хоть и мастерски преподнесенная драматургом, оказалась на сахалинской сцене всего-навсего продолжением бесконечно затянувшегося представления на одну и ту же семени-бытовую тему, порядком надоевшую.

И хотя никто, разумеется, не настаивал на творческих новизнах, об этой, последней неудаче сезона не стоило бы и говорить, не представляйся она собитием закономерным, а разговор о нем принципиально важным. Хотя и трудным. Потому что всегда трудно говорить о нештатности, прямо и открыто о просяхках и ошибках. Куда легче их не замечать, а описывать только удачу, пусть даже частичную, в надежде на то, что такая «сложь» во спасение пойдет на пользу. Но нет, она никого не спасает: ни зрителей от скуки, ни театр от просяхков.

Так о чем же с нами вели со сцены разговор за протяжении последнего сезона? О чем мы могли узнать, над чем пролить слезы, задуматься, помянуть, что вынести из театрального действия? Что погрязло нас, кичимся бражничским чувством нашим, обреченный театр?

Из шести премьер сезона в четырех так или иначе варьировалась тема любви, поиска личного, семейного счастья. И это было бы еще полбеды: тема, как говорится, вечная, нет на земле ничего более неисчерпаемого, прекрасного и разнообразного, чем это чувство, которому художники во всех видах искусства посвящают лучшие свои творения. Но в том-то и дело, что лучшие произведения драматургии в поларении театра почти не попадали. Трудно заодолеть рукоподателей в сознательном желании взять в репертуар заведомо слабую пьесу или выдуть плохой спектакль, но бросим еще раз взгляд на афишу сезона.

ЗАМЕТНЫЙ успех выпал на долю одного спектакля — «Модели сезона» Г. Рябина. Комедию на довольно-таки взвешенный сюжет о слабловом муже под башмаком эмискированной жены театр, впрочем, разглядел жинно и слаженно. И показалось ему, что попал на золотую жилу. Режиссер В. Полтавев, открытый успехом, ставит следующую комедию «Возвращение Одиссея» — о метаниях современной Пенелопы. Чтобы не повторять то, что уже говорилось на страницах газеты об этом спектакле, упомяну лишь, что он если и не побил рекорда краткосрочности существования, то очень приблизился к нему. Сразу после премьеры стало ясно: ставить его в афишу бесполезно — зрители не пой-
дут.

Здесь бы театру и прислушаться к их мнению, проанализировать, а не дает ли корабль искусства крен, а если дает, то где и что тому причиной и нет ли других проблем, сюжетов и конфликтов, волнующих современного человека. Но «руль» корабля словно заклинило. Следующая премьера «В поисках фантома» грузинского драматурга Л. Табукашвили — о неудачной любви молодых людей. За нею — «Пятое время года» И Павловой — тоже о неудачной любви, но уже немолодых...

Премьера за премьерой, а театр по-прежнему пуст. Названные здесь пьесы нервно-чужды. Драматург Н. Павлова, к примеру, создает глубокий и привлекательный женский характер, и в принципе спектакль мог бы получиться интересным, будь в нем хоть капля правды. Но, увы, в игре акте-

рым и ответственным периодом нашей истории. Это уже говорит о нечеткой идейной позиции, а не просто об отсутствии вкуса и чутья на хорошую пьесу.

Перестройка стили работы назрела давно. И начинать ее следует, на мой взгляд, с изменения отношения к театру... в самом театре. Это касается и морального климата в коллективе, и актерской техники — разве можно, сидя в зрительном зале, сопереживать и восхищаться, если за-за кулис выходит актер, не владеющий сценической речью и пластикой? Ведь мы, зрители, давно уже забыли, что такое заразительность актерской игры, подлинное волнение, когда зал и сцена охвачены единым порывом...

А примитивный уровень рекламы и пропаганды театра — разве это уважение к самому себе?

И ТЕАТРУ НУЖНА ПЕРЕСТРОЙКА

ров трудно обнаружить хоть какие-то живые, искренние человеческие чувства.

Впрочем, то же самое можно сказать и о других спектаклях, и это, думаю, закономерно. Однообразные коллизии, способ существования на уровне примитивного бытового конфликта сужают диапазон актера, инвентаризуют творческую индивидуальность.

Были, правда, работы иного плана. Их две: «Домик на окраине» А. Арбузова и «Божество» — свобода! Д. Вальсина. В первой, вынужденной в честь 40-летия Победы, предпринята попытка дать вторую жизнь пьесе, популярной тридцать лет назад, а написанной еще раньше. Попытка, увы, неудачная: теплой, доверительной, интимной интонации, к которой стремился театр, выбирая эту камерную, «негромкую» пьесу о войне, не вышло.

Сложно оказалось преодолеть несовершенство драматургического материала второй пьесы, о постановке которой недавно шла речь на страницах газеты. Несмотря на ряд достоинств спектакля, факт остается фактом: внимания зрителей он не привлек.

Один режиссер, когда я попросил его поделиться секретом успешной работы театра, сказал так: «Главное — попасть в точку». Мне кажется, это очень верно. Вот только ни разу, на мой взгляд, обидраметур в прошедшем сезоне в точку не попал.

ОБ ЭТОМ бы серьезно задуматься партийной организации, работникам управления культуры областного комитета, ответственным за постановку театральной работы: ведь и пустые залы, и убогий репертуар, и падение актерского мастерства, вообще престижа, авторитета театра в городе и области — все происходит на их глазах. Но — нет, ничего не меняется.

Чем, к примеру, ответил театр на решения XXVII съезда КПСС? Какой перестройкой, какими переменами? Как заявил о своем идейно-художественном кредо, о своей гражданской позиции? Он взял в работу новую пьесу все того же Г. Рябина, а которого театр безгранично уверовал в последнее «грандиозное» успеха комедии «Модели сезона». Называется она «В этой девушке что-то есть». Однако личного, увы, «в этой девушке» нет. Очередная история семейного разлада, только с еще большей долей пошлости и примитива. Вот и весь отагт театра на тот общественный подъем, на острые социально-политические вопросы, что вызваны к жизни слож-

Голор об истинном искусстве, будем, однако же, почитать, что театр — учреждение и финансово-экономическое, и он должен по многим показателям выполнять пазл, правда, не забывшая, что выпускает «продукцию» особого рода — духовную, идеологическую. Но в нашем театре забыли об этом: репертуар рассчитан на обывательский вкус и служит единственной цели: завлечь зрителя, для чего все средства хороши.

Своеобразным «апофеозом» такой политики стала последняя неделя сезона, когда афиша приглашала на творческую встречу с молодыми актерами, дополненную таянами под ВИА. Но не спасли и таяны. Молодые люди, поскупав и увидев пустом зале, похуру стояли вдоль стен верхнего фойе и страдали, глядя на сияющие люстры: слышком много света! Было бы поучительнее — можно и потанцевать...

Каким же будет следующий этап работы со зрителем? Уменьшение количества ламп?

А ведь в принципе подобные встречи можно только приветствовать. Будь они устроены, яко, с выдумкой, а любовно и опять-таки уважением к искусству. Разве зрители не вправе рассчитывать на полную актерскую самоотдачу в каждом эпизоде? На броскую театральность вместо унылого однообразия? Главное же, они должны чувствовать желание театра идти на контакт! И вообще, мне кажется, для таких встреч нужно находить свою, оригинальную форму. Может быть, устраивать их не в зале на 600 мест, из которых заняты 60, а, скажем, на «малой» сцене?

В прошедшем сезоне провели несколько зрительских конференций — хорошо! Но слышком мало, чтобы стали заметны сдвиги в массовой работе. Нужна подробная, хорошо разработанная система изучения театральных интересов различных социальных групп.

Словом, необходим поиск во всех направлениях, чтобы театр постепенно обрел свое творческое лицо, завоевал утраченные позиции и занял подобающее ему место в идеологической жизни области.

Сегодня здесь скучно, как в гостях у человека, с которым не о чем разговаривать. А как хочется, чтобы театральное действо дало пищу для ума и сердца, чтобы отыскал, наконец, театр тему для разговора со зрителем — важного, нужного, актуального, неравнодушного разговора. А зритель откликнется.

В. КАМЕНЕЦКАЯ.